

Н. Малкольм
МУР И ОБЫДЕННЫЙ ЯЗЫК

I

В этой статье я намерен обсудить важную отличительную черту философского метода профессора Мура — предложенный им способ опровержения определенного типа философских суждений.

Начну с суждений, которые защищались или защищаются различными философами. Уверен, что любое из них Мур опроверг бы как ложное. Более того, если бы в каждом конкретном случае потребовалось обосновать опровержение или доказать ложность высказывания, все его основания или доказательства были бы поразительно друг на друга похожи. Я хочу исследовать общий характер обычного для него метода доказательства и разобраться тем самым в его существе и правомерности. Думаю, это основательно прояснит, какова природа философии и что значит Мур для ее истории.

Речь пойдет о следующих философских высказываниях.

- (1) Материальные предметы не существуют.
- (2) Время нереально.

(3) Пространство нереально.
(4) Никто никогда не воспринимает материальный предмет.
(5) Материальный предмет не существует, если его не воспринимают.

(6) Когда человек смотрит на предмет, все, что он видит,— это часть его собственного мозга.

(7) Другие сознания не существуют; существуют только мои ощущения.

(8) Мы не имеем достоверного знания о существовании каких-то других сознаний.

(9) Мы не имеем достоверного знания о том, что мир не был создан пять минут назад.

(10) Мы не имеем достоверного знания об истинности высказываний о материальных предметах.

(11) Все эмпирические высказывания являются гипотезами.

(12) Априорные высказывания суть правила грамматики.

Обратимся к присущей Муру манере критиковать подобные высказывания. Я дам те контраргументы, которые, по моему мнению, привел бы и сам Мур — во всяком случае, он поддержал бы их.

(1) *Философ*: «Материальные предметы не существуют».

Мур: «Вы, несомненно, ошибаетесь, ибо вот одна рука, а вот — другая; поэтому существуют по крайней мере два материальных предмета».

(2) *Философ*: «Время нереально».

Мур: «Если вы имеете в виду, что никакое событие никогда не следует за другим событием или не предшествует ему, то вы, безусловно, ошибаетесь: ведь после завтрака я гулял, затем принял ванну, а потом пил чай».

(3) *Философ*: «Пространство нереально».

Мур: «Если вы имеете в виду, что ничто и никогда не находится справа, слева, за или над чем-то еще, то вы, конечно же, ошибаетесь; ибо чернильница стоит слева от ручки, а моя голова находится над ними обеими».

(4) *Философ*: «Никто никогда не воспринимает материальный предмет».

Мур: «Если под «воспринимать» вы разумеете «слышать», «видеть», «осознать» и т. д., то нет ничего более ложного; ибо я сейчас и вижу, и осознаю этот кусочек мела».

(5) *Философ*: «Материальный предмет не существует, если его не воспринимают».

Мур: «Это абсурд, ибо никто не воспринимал ту комнату, где я спал прошлой ночью, но она, несомненно, не прекращала существовать».

(6) *Философ*: «Когда человек смотрит на предмет, все, что он видит,— это часть его собственного мозга».

Мур: «Стол, который мы оба сейчас видим, совершенно достоверно не является частью моего мозга, и фактически я никогда не видел части своего мозга».

(7) *Философ*: «Как бы вы стали доказывать ложность высказывания о ваших собственных ощущениях, чувствах и восприятиях, что только они и существуют?»

Мур: «Очень просто. Я знаю, что вы сейчас видите и слышите меня, и еще — что у моей жены болит зуб; значит, существуют ощущения, чувства и восприятия, отличные от моих».

(8) *Философ*: «Вы не имеете достоверного знания о существовании чувств и восприятий, отличных от ваших собственных».

Мур: «Напротив, для меня абсолютно достоверно, что вы сейчас видите и слышите меня и что у моей жены болит зуб. Следовательно, у меня действительно имеется абсолютно достоверное знание о существовании чувств и восприятий, отличных от моих».

(9) *Философ*: «У вас нет достоверного знания о том, что мир не был создан пять минут назад вместе со всеми ископаемыми».

Мур: «Я достоверно знаю, что я, как и многие другие, жил долгие годы, а до нас это же происходило и с другими людьми. Абсурдно это отрицать».

(10) *Философ*: «Вы не имеете достоверного знания об истинности высказывания о материальных предметах».

Мур: «Мы оба достоверно знаем, что в этой комнате стоит несколько стульев, и полагать, будто мы не знаем, но убеждены в этом, и что вообще это не так, — полный абсурд».

(11) *Философ*: «Все эмпирические высказывания являются гипотезами».

Мур: «Высказывание, что час назад я завтракал, безусловно, эмпирическое, но нелепо называть его гипотезой».

(12) *Философ*: «Априорные высказывания суть правила грамматики».

Мур: « $6 \times 9 = 54$ — это априорное высказывание, но считать его правилом грамматики в высшей степени неверно».

Заметим, что все перечисленные философские высказывания отличаются парадоксальностью. Неискушенный в философии человек нашел бы их шокирующими: они идут вразрез со «здравым смыслом». Этот факт важен для объяснения существа их критики со стороны Мура.

Давайте посмотрим, в чем существо его опровержений. Так и хочется сказать, что они — все до единого — уходят от сути спора. Когда философ говорил, что априорные высказывания являются правилами грамматики, он включал сюда, конечно, и высказывание « $6 \times 9 = 54$ ». Он говорил о нем наравне с любым другим априорным высказыванием. Если Мур просто отрицает, что это правило грамматики, то, видимо, он делает голословное утверждение. Во всяком случае, его ответ не кажется удачным; это не тот ответ, который убедил бы философа признать свою ошибку.

Когда философ говорит, что материальные предметы не существуют, то разве он не имел в виду, что руки не существуют?

и если он допускает, что руки существуют, то разве это не означает, что руки являются материальными предметами? Так и в своих опровержениях, следуя которым, какие-то два предмета являются руками, а руки — материальными предметами, Мур так или иначе уходит от существа дела.

Когда философ говорит, что не имеет достоверного знания существования ощущений, чувств и восприятий, отличных от собственных, он, наверное, имеет в виду и зубную боль, испытываемую его женой. Поэтому если Мур настаивает на том, что о последней он все же достоверно знает, то это вроде бы не опровержение. По крайней мере, оно слишком слабо и не убедит философа в том, что его высказывание неверно.

Я, однако, считаю, что Мур совершенно правильно отвечает на перечисленные философские положения; более того, я настаиваю на том, что всякое данное им опровержение безупречно, ибо оно действительно показывает ложность обсуждаемого положения. В том, чтобы разъяснить это, я вижу свою основную цель.

Суть предложенной Муром техники опровержения философских высказываний состоит в выявлении их противоречия обычному языку. Надо разобраться, во-первых, каким образом они ему противоречат; и, во-вторых, как демонстрация противоречия философского высказывания обычному языку опровергает это высказывание.

Когда Рассел говорил, что физиолог, наблюдая чей-то мозг, видит часть своего мозга, а не исследуемого, он, конечно же, имел в виду не отдельного физиолога, но вообще всех физиологов, и не только их, но и любого человека. Он предполагал, что когда бы в прошлом человек ни говорил, что видит дерево, скажу или кусок сыра на столе, его высказывание в действительности было ложным; и что всегда, когда человек скажет в будущем, что видит дом, автомобиль или ракету, его высказывание будет ложным. Когда человек говорит, что он что-то видит, истинно в любом случае будет только то, что он видит часть собственного мозга.

Высказывание Рассела в высшей степени поразительно. Что может быть парадоксальнее! Однако что же он сказал? Может быть, что когда бы физиолог ни считал в прошлом, что видит чужой мозг, он обманывался? Положим, без ведома физиолога часть его черепа удалили и вдобавок придумали, также втайне от него, такую хитроумную зеркальную установку, что когда он пытается рассмотреть чей-то мозг, находящийся перед ним, то видит часть собственного мозга. Хотел бы Рассел сказать, что именно так было в прошлом и будет всегда? Ясно, что подобное прямолинейное эмпирическое высказывание он вообще не смог бы доказать. Разумный человек на такое высказывание не отважился бы.

Нет, высказывание Рассела не было эмпирическим. В нормальных условиях, когда любой человек сказал бы, что видит

почтальона, Рассел согласился бы с этим. Он не стал бы противоречить в отношении эмпирического факта; однако он на самом деле, сказал бы Рассел, видел не почтальона, а часть своего мозга. Следовательно, они спорят, видимо, не об эмпирических фактах, но о том, какой язык следует употреблять для их описания. Рассел действительно считал, что корректнее сказать, что вы видите часть своего мозга, нежели сказать, что вы видите почтальона.

Философское утверждение «Когда человек смотрит на какой-то предмет, все, что он видит — это часть его мозга» можно интерпретировать следующим образом: «Когда бы человек ни смотрел на какой-то предмет, более корректно сказать, что он видит часть своего мозга, чем сказать, что он видит сам этот предмет». И ответ Мура: «Стол, который мы оба видим, не есть часть моего мозга» можно интерпретировать так: «Корректно сказать, что сейчас мы видим стол, и некорректно — что каждый из нас видит часть своего мозга».

В этом свете совершенно ясно, что Мур прав. Мы видим, что философское высказывание, которое он критикует, является ложным, независимо от аргументов в его защиту. Они могут быть очень заманчивыми, но мы правы, сходу отвергая их как ложные. Немного поразмыслив, мы поймем, что то, что произошло, когда человек пожелал взглянуть на Эмпайр Стейт Билдинг* и выполнил свое желание, обыденный язык позволяет описать так: «Он сейчас впервые видит Эмпайр Стейт Билдинг»; и мы никогда не сочтем корректным другое описание: «Он сейчас видит часть своего мозга». Мур напоминает, что постоянно встречаются ситуации, которые обыденный язык передает в предложениях типа «Я вижу ручку», «У вижу кошку» и т. д., и что описывать их словами «Я вижу часть своего мозга» было бы крайне некорректно. Именно так ответ Мура опровергает высказывание философа.

Давайте рассмотрим философское высказывание «Мы не имеем достоверного знания об истинности высказывания о материальных предметах» и обычный для Мура ответ: «Оба мы достоверно знаем, что в этой комнате стоит несколько стульев, и полагать, будто мы не знаем, но только убеждены в этом, и что вообще это не так — полный абсурд». Мнения, будто мы не имеем достоверного знания об истинности высказывания о материальных предметах и об истинности любого эмпирического высказывания вообще, очень популярны среди философов. Надо заметить, что когда философ говорит, будто мы не имеем достоверного знания об истинности высказывания о материальных предметах, звучит это и огульно, и парадоксально.

Каждый из нас сталкивался в жизни с ситуациями, когда человек утверждает, будто он достоверно знает об истинности суждения о материальном предмете, но оказывается, что он ошибается. Кто-то говорит, например, что по запаху достоверно знает, что на плите варят морковь. Но вы только что приот-

или кастрюлю и увидели там репу. У вас есть эмпирические основания утверждать, что в данном случае человек говорил, что он достоверно знает об истинности высказывания о материальном предмете, и что он ошибается. Или же, может быть, вы знаете, что он не прав, так как ваш прошлый опыт показал, сколько схожи запах моркови и запах репы; поэтому сам по себе запах не является основанием достоверного знания. Эмпирически известно, что иногда, когда люди говорят: «Я достоверно знаю, что p », где p — высказывание о материальном предмете, их суждение ложно.

Но когда философ утверждает, что никакие высказывания о материальных предметах не являются достоверным знанием, он имеет в виду не эмпирический факт. Он утверждает, что когда человек ни говорил в прошлом: «Я достоверно знаю, что p », ни говорил что-то ложное, и еще — если человек скажет что-либо подобное в будущем, его высказывание будет ложным. Для нашего философа неважно, каков референт высказывания о материальном предмете, каковы особые обстоятельства, какое оказательство человек имеет! Если бы философ делал эмпирическое высказывание, то его позиция была бы почти абсурдной, во всяком случае он был бы гораздо неразумнее человека, который ничего не смыслит в слонах, но утверждает, что слон не может выпить в день более галлона воды.

Однако высказывание философа не является эмпирическим. Философ уверен, что суждение «Я достоверно знаю, что p », где p — высказывание о материальном предмете, никогда не было и не будет истинным; он не приводит эмпирических оснований и говорит лишь об ошибочности данной речевой формы. Он считает ее такой же ошибочной, как и высказывание «Я вижу что-то совершенно невидимое». В этом смысле ошибочно всякое ротиворечивое суждение. Вы ведь никогда не сможете правильно описать свой опыт в словах «Я вижу что-то совершенно невидимое» — так и философ думает, что невозможно в принципе правильно описать какую-то ситуацию с помощью выражения «Я достоверно знаю, что p ».

Среди философов, считающих, что высказывание о материальных предметах не может быть достоверным, один м-р Айер понимает, что речь идет не об эмпирических суждениях, но об ошибочности определенной формы выражения. Он говорит так: Мы действительно в какой-то степени верифицируем многие такие суждения, т. е. суждения, предполагающие существование материальных предметов, что делает их истинность весьма вероятной. Но поскольку ряд соответствующих тестов, будучи бесконечным, никогда не может быть исчерпан, эта вероятность никогда не будет логической достоверностью. <...>

Необходимо допустить, следовательно, что в каком-то смысле верно, что мы никогда не можем быть убеждены относительно любого суждения, предполагающего существование материального предмета, в том, что каким-то образом не обманываемся;

однако можно возразить, что само наше допущение вводит в заблуждение. Ведь оно предполагает, что состояние «убежденности» мы можем представить себе, но, к сожалению, не в силах достигнуть. Фактически же это представление противоречиво. Ибо для того, чтобы убедиться, что мы не обманываемся, мы должны прийти к концу бесконечного ряда верификаций; а то, что нельзя «пробежать» бесконечный ряд до конца, является аналитическим суждением. <...> Соответственно, дабы избежать непонимания, мы не должны говорить, будто никогда не имеем достоверного знания об истинности высказываний, выражающих наши перцептуальные суждения, но скажем, что понятие достоверности неприменимо к такого рода высказываниям. Оно применимо к априорным суждениям логики и математики, и этот факт существенно отличает их от эмпирических высказываний».

Следовательно, Айер уверен, что никогда — ни в прошлом, ни в будущем — неправомерно утверждать, будто кто-то достоверно знает высказывание о материальном предмете, так как считает это утверждение противоречивым. Он думает, что выражение «достоверно знать» надлежит относить только к априорным, но не к эмпирическим высказываниям. Философское высказывание «Мы не имеем достоверного знания об истинности высказывания о материальном предмете» просто неправильно выражает суждение «Выражение «достоверно знать», строго говоря, неприменимо к высказываниям о материальном предмете». Итак, ответ Мура: «Оба мы достоверно знаем, что в этой комнате стоит несколько стульев, и полагать, что мы не знаем, но только убеждены в этом, или что это в высшей степени вероятно, но недостоверно — полный абсурд!» как таковое вводит в заблуждение и по существу означает следующее: «Правильно говорить, что мы достоверно знаем, что в этой комнате стоит несколько стульев, и ошибочно было бы говорить, что мы лишь убеждены в этом или что это только в высшей степени вероятно». И высказывание философа, и ответ Мура являются замаскированными лингвистическими высказываниями.

Здесь, как и во всех остальных случаях, Мур прав. Если разобратся, его ответ дает парадигму абсолютной достоверности, точно так же как в прежнем случае он дал парадигму видения чего-то, что не является частью человеческого мозга. Его ответ будит наше чувство языка, заставляет ощутить, как странно и неправильно было бы говорить, когда мы сидим в комнате, видим стулья и дотрагиваемся до них, будто мы убеждены, что там стоят стулья, но не знаем этого достоверно, или что это только в высшей степени вероятно. Точно так же как и раньше, его ответ заставляет нас почувствовать, что в известных случаях совершенно правильно говорить, что человек видит стол или ручку, и грубая ошибка — что он видит часть своего мозга. Ответ Мура напоминает, что если бы ребенок, осваивающий язык, сказал про стулья в комнате: «В высшей степени вероятно, что они там стоят», то мы бы рассмеялись и поправили его; что если

ы мы мчались на большой скорости мимо поля с какими-то растениями, то правильно было бы сказать: «В высшей степени вероятно, что это помидоры, хотя мы не знаем этого достоверно», если же мы сами посеяли семена, пропалывали и поливали их, и в конце концов собрали урожай, то наши прежние слова, говорит Джон Уисдом *, «насмешили бы». Напоминая об обычном употреблении выражений «достоверно знать» и «в высшей степени вероятно», ответ Мура опровергает философское высказывание о том, будто мы никогда не имеем достоверного высказывания о материальных предметах. Он отмечает, что существует обычное употребление выражения «достоверно знать» как характеристики эмпирических высказываний и что поэтому Айер не прав, когда говорит: «Понятие достоверности таким суждениям неприменимо».

Действительно, понятие логической достоверности не имеет отношения к эмпирическим высказываниям. Признаком логически достоверного, т. е. априорного суждения, является то, что его отрицание противоречиво. Логически достоверное суждение мы не назовем эмпирическим. Одним из основных мотивов философского высказывания «Мы вообще не имеем достоверного знания об истинности какого-либо эмпирического высказывания» является желание подчеркнуть, что эмпирические высказывания лишены логической достоверности. Это трюизм, но его выражали в ложной форме. Однако не в том дело, что выражение «Я достоверно знаю» неправильно применять к эмпирическим высказываниям, а в том, что оно употребляется по отношению и к эмпирическим и к априорным высказываниям, но в разных смыслах. Данное Муром опровержение состоит просто в выявлении применимости этого выражения к эмпирическим высказываниям.

II

Можно возразить: «Люди обычно невежественны, неверно информированы и, следовательно, часто ошибаются. Обыденный язык есть язык обыкновенных людей. Вас можно понять так, словно само употребление определенного выражения в обычном языке предполагает его истинность. Видимо, для вас факт, что люди говорят: «Я достоверно знаю, что p », где p — высказывание о материальном предмете, предполагает, что они действительно имеют достоверное знание. Но это смешно! Одно время все говорили, что Земля плоская, тогда как в действительности она круглая. Все ошибались; неясно, почему в тех случаях, которые мы упоминали, правда не может быть на стороне философов, а не всех остальных».

Отвечая на это возражение, надо учитывать, что, когда человек делает эмпирическое высказывание, он может ошибаться двояким образом. Во-первых, относительно эмпирических фактов. Во-вторых, прекрасно зная, каковы эмпирические факты,

он может употреблять для их описания неправильный язык. Назовем первое «ошибкой в отношении фактов», а второе — «употреблением некорректного языка», «употреблением неподходящего языка» или «употреблением ошибочного языка».

Когда-то люди говорили, что Земля плоская, и они действительно ошибались. Все верили, что если погрузиться на корабль и плыть на запад, то в конце концов окажешься на краю и свалишься. Они не знали, что если все время держаться запада, то вернешься туда, откуда отправился. Когда люди говорили, что Земля плоская, они ошибались: ошибались в фактах, а не в том, что употребляли некорректный язык; совершенно корректным языком они описывали ситуацию такой, какой видели. В этом смысле вполне может ошибиться любой человек.

Допустим, двое согласны относительно эмпирических фактов и тем не менее делают различные высказывания. Например, два человека видят животное; их представления о нем ясны и детальны, причем описания животного полностью совпадают. Однако один называет его лисицей, а второй — волком. Это расхождение можно назвать лингвистическим. Когда налицо лингвистическое несогласие, можно говорить о чьей-то ошибке. Тот или другой, или же они оба употребляют некорректный язык.

Теперь представим ситуацию, аналогичную предшествующей, но с одним изменением: человек, настаивающий на «волке», не просто согласен со своим собеседником относительно характеристик этого животного, но, более того, знает, что обычно его называют лисицей. Если он продолжает твердить, что это волк, то абсурдность его позиции очевидна. Он сказал бы, что хотя другой человек употребляет некое выражение, причем обычно именно оно и используется в подобных случаях, тем не менее его язык некорректен. Это абсурд, ибо обыденный язык является корректным языком.

Философы, высказывающие парадоксальные суждения, тоже придерживаются этой абсурдной позиции, хотя их взгляды более утонченны и завуалированы. Когда философ говорит, что реально мы всегда воспринимаем не материальные предметы, но лишь чувственные данные, которые не являются ни материальными предметами, ни частями материальных предметов, он не спорит об эмпирических фактах. Сравним это с ситуацией, когда два человека прогуливаются по дороге. Один из них говорит, что вдалеке видит деревья; другой отрицает это. Вот настоящий спор о фактах, и его можно разрешить, стоит только дойти до того места, где, как предполагается, растут деревья.

Но когда философ, по мнению которого обычный человек ошибается, говорит, что видит на дереве кошку, не имеет в виду, что он видит, скорее, белку или что это мираж или галлюцинация. Философ признает, что такие случаи мы обычно описываем с помощью выражения «видеть кошку на дереве». Но при этом он говорит, что в действительности человек видит не кош-

ку, а лишь соответствующие чувственные данные. Если человеку приятно постоянно заменять выражение «Я вижу свою жену» на выражение «Я вижу чувственные данные своей жены», то он вправе таким образом самовыражаться, пусть только заранее об этом предупредит. Но его высказывание, что в действительности человек видит не кошку, совершенно абсурдно — ведь он предполагает, что человек может для описания определенной ситуации употреблять именно то выражение, которое обычно и употребляет, и все же его язык будет некорректным.

Одним из факторов, заставивших философов критиковать обыденный язык, было их убеждение в противоречивости определенных его выражений. Некоторые философы считают противоречивым любое утверждение о существовании материального предмета, например: «В углу стоит стул»; кое-кто — любое утверждение о восприятии материального предмета, например: «Я вижу муху на потолке». Иногда философы думают, что противоречиво любое утверждение о существовании невоспринимаемого материального предмета, например: «Дом сгорел, когда никого вокруг не было». По мнению других, противоречивы высказывания о пространственных отношениях, например: «Плита стоит слева от холодильника».

Среди философов распространено также представление о противоречивости высказываний о временных отношениях, например: «Чарльз пришел после всех, но до того как дверь захлопнулась», и еще — что противоречиво приписывать эмпирическим высказываниям характер достоверного знания, например: «Я достоверно знаю, что бак наполовину заполнен».

Посылка всех этих теорий состоит в том, что выражение обыденного языка может быть противоречивым. Эту посылку я считаю ложной. Под «выражением обыденного языка» я подразумеваю то выражение, которое употребляется обычно для описания определенных ситуаций. Я не хочу сказать, что оно должно употребляться часто. Оно только должно подходить для описания определенных ситуаций, если ситуации такого рода существуют или если в их существовании убеждены. Выражение, чтобы быть обыденным, должно иметь общепринятое употребление, при этом необязательно, чтобы именно оно всегда и употреблялось. Все приведенные высказывания, на взгляд философов противоречивые, я считаю обыденными.

Ни одно обыденное выражение не будет противоречивым — по той причине, что противоречивое выражение никогда не употребляется для описания какой-либо ситуации. Оно не имеет дескриптивного употребления. Обыденное выражение, по сути своей, употребляется для описания определенных ситуаций и постольку действительно их описывает. Противоречивое выражение, напротив, ничего не описывает. Можно, разумеется, сконструировать из обыденных выражений нечто противоречивое. Но такое построение само по себе не является обыденным, т. е. не имеет дескриптивного употребления.

Суждение о непротиворечивости обыденного выражения тавтологично, но это, пожалуй, разъясняющая тавтология. Мы не назовем выражение, имеющее дескриптивное употребление, противоречивым. Например, выражение: «Это и есть, и нет» кажется противоречивым. Но оно имеет дескриптивное употребление. Если, например, опустился легкий туман — столь незначительный, что не вполне корректно было бы говорить как то, что дождь идет, так и то, что он не идет, и кто-то поинтересовался, идет ли дождь, можно ответить: «И да и нет». Мы не сказали бы, что выражение, используемое в этой связи, противоречиво.

Выходит, даже когда выражение на вид противоречиво, мы не назовем его таковым, если его употребляют. Мы не скажем о каком-либо выражении, употребляемом для описания определенной ситуации или для отсылки к ней, что в этом употреблении оно противоречиво. Значит, ни одно обыденное выражение не является противоречивым, если существует обыденное его употребление. Всякий раз, когда философ объявляет, что обыденное выражение противоречиво, он неправильно интерпретирует его значение.

Высказываемое философом парадоксальное суждение предполагает, что всегда, когда человек употребляет известное выражение, он говорит что-то ложное: либо потому, что описываемая ситуация фактически никогда не возникает, либо потому, что наше выражение противоречиво. Чтобы ответить философу и показать, что обсуждаемое выражение действительно имеет дескриптивное употребление, необходимо доказать, во-первых, что оно непротиворечиво; во-вторых, что философский парадокс был бы оправдан только в том случае, если эмпирически очевидно, что ситуация, описываемая нашим выражением, в принципе не может существовать. Яснее ясного, однако, что философ не сопровождает свой парадокс никаким эмпирическим доказательством.

Возражение, приведенное в начале этого раздела, сводится к тому, что из самого употребления определенного выражения в обыденном языке не следует еще, что оно истинно. Например, из факта обыденности выражения «слева от» не следует, что что-то находится слева от другого предмета. Из факта обыденности и эмпирической применимости выражения «достоверно» не следует еще, что эмпирические высказывания являются достоверными. Давайте во всем этом разберемся.

Выражение «это призрак» имеет дескриптивное употребление. Оно является обыденным, но это еще не означает, что существуют какие-то призраки. Для нас важно, что люди могут усвоить значение слова «призрак», так ничего подобного и не увидев. Иначе говоря, значение слова «призрак» можно объяснить с помощью значений уже известных им слов. Мне кажется, в этом отношении существует огромная разница между словом «призрак» и выражениями «раньше», «позже», «слева от»,

за», «над», «материальные предметы», «возможно», «достоверно». Разница в том, что можно научить человека значению слова «призрак», не приводя примера его правильного применения, о значении этих других выражений без примеров научить нельзя. Люди не узнают значения выражений «слева» или «над», если мы им не показали, как это выглядит на деле, когда одна вещь находится слева от другой или одно над другим. Короче, они не могут уловить значения выражений, описывающих пространственные отношения, не познакомившись с конкретными примерами. Подобно этому люди не научатся употреблять выражения, описывающие временные отношения вроде «раньше» и «позже», если им не показали конкретные примеры временных отношений. Люди не смогут ощутить разницу между видением материального предмета, «видением остаточного образа» и «галлюцинацией», если не знают, что значит видеть материальный предмет. И они не смогут усвоить значение — в применении к эмпирическим высказываниям — слов «вероятно» и «достоверно», если им не указать случаи эмпирической вероятности и эмпирической достоверности и если они не поняли, в чем разница между ними.

Для всех выражений, значения которых должны быть показаны и не могут быть объяснены, из факта их обыденности для языка следует, что возможны ситуации, которые они описывают; иначе люди не смогли бы узнать об их корректном употреблении. Поэтому когда философский парадокс утверждает, что употребление такого выражения дает ложное высказывание, то доказательства обыденности выражения достаточно, чтобы парадокс был полностью опровергнут.

III

Эмпирическое высказывание может быть парадоксальным и не быть ложным. Парадоксальное философское высказывание не может не быть ложным. Это объясняется тем, что они парадоксальные совсем в разных смыслах. Парадоксальное эмпирическое высказывание утверждает существование эмпирических фактов, которые, по мнению большинства людей, несовместимы с существованием других, заведомо признанных эмпирических фактов. Философское же высказывание парадоксально оттого, что утверждает ошибочность обыденной формы речи. Любой человек может ошибаться в том, что касается эмпирических фактов: поэтому парадоксальное эмпирическое высказывание вместе с тем бывает истинным. Но обыденная речь не может быть ошибочной. Иначе говоря, обыденный язык есть язык корректный.

Мур немедленно подвергает критике высказывание философа о том, например, что все эмпирические высказывания гипотетичны или что априорные высказывания в действительности

являются правилами грамматики: он чувствует, что здесь имплицитно содержатся нарушения обыденного языка. «49 минус 22 равно 27» — правило грамматики? «Наполеон был разбит при Ватерлоо» — гипотеза? Что за абсурд!» Его критика позволяет нам понять, что обычное для нас употребление выражений «правило грамматики» и «гипотеза» серьезно отличается от того, что предполагается в философских высказываниях. Если бы ребенок, воспринимающий язык, назвал «49 минус 22 равно 27» правилом грамматики или «Наполеон был разбит при Ватерлоо» — гипотезой, мы бы поправили его, сказав, что он неправильно употребляет язык.

Философ делает свое парадоксальное высказывание о гипотетическом характере всех эмпирических суждений, потому что его поражает известное сходство между теми эмпирическими высказываниями, которые мы обычно называем гипотезами, и теми, которые являются для нас абсолютно достоверными истинами; это сходство он и хочет подчеркнуть. Эмпирическое высказывание, истинность которого не вполне установлена, но допустима в качестве рабочей гипотезы, и абсолютно достоверное эмпирическое высказывание едины в том, что ни одно из них не является логически достоверным. Иными словами, отрицание любого из них не приводит к противоречию. Ложность эмпирического суждения, которое мы считаем абсолютно достоверным, столь же логически возможна, сколь и ложность гипотезы. Философ, подчеркивая это, говорит, что в действительности все эмпирические высказывания гипотетичны. Сходным образом одним из основных мотивов парадоксального высказывания о том, что эмпирические высказывания никогда не бывают абсолютно достоверными, является желание отметить этот момент сходства. Конечно, лингвистический прием парадоксальной речи, применяемый в данной ситуации философом, опускает различия. Он игнорирует различия, стоящие за существующим в обыденном языке разграничением абсолютно достоверных эмпирических суждений и эмпирических суждений, которые гипотетичны либо в высшей степени вероятны.

Давайте рассмотрим другой пример философского парадокса. Философы иногда говорят: «Все слова неопределенны». Ими движет все то же стремление подчеркнуть сходство между словами с неопределенными значениями и словами ясными. Значение слова является неопределенным, если в многочисленных ситуациях, где встает вопрос, применимо оно или нет, люди, знакомые с его употреблением и со всеми обстоятельствами, не решаются на однозначный ответ либо расходятся друг с другом, так и не сумев прийти к соглашению. Назовем это «неразрешимыми случаями». Следовательно, слово неопределенно, если в связи с его применением имеется много неразрешимых случаев. Но даже для слов, значения которых нам обычно ясны, можно придумать неразрешимые случаи. Значит, единственное различие между ясными и неясными словами состоит в том, что

число неразрешимых случаев с первыми из них относительно меньшее. Но, скажет философ, разница между большим и малым числом неразрешимых случаев является чисто количественной! Поэтому он склоняется к мнению, что все слова действительно неопределенны. Спросим, однако, почему обыденное употребление слов «неопределенный» и «ясный» не может способствовать хотя бы привлечению внимания к этим количественным различиям?

Так и философствующий биолог, не видя возможности четко разграничить неодушевленные и одушевленные предметы, заявляет, что на самом деле вся материя одушевлена. Будучи, по существу философским, его высказывание является парадоксальным и ложным. Оно отступает от обыденного языка, восприняв который, мы называем все, что напоминает рыб или домашних птиц, одушевленным, а скалы, столы и прочее — неодушевленным.

Некоторые слова нашего языка употребляются парами, например, «большой» и «малый», «одушевленный» и «неодушевленный», «неопределенный» и «ясный», «достоверный» и «вероятный». В обыденном языке каждое из них требует своей противоположности: одушевленное противостоит неодушевленному, вероятность — достоверности, неопределенность — ясности. Что-то в таком словоупотреблении побуждает философов устранять одну из противоположных сторон. Когда философ говорит, что все слова являются неопределенными, то предполагает, что мы больше не должны употреблять слово «ясный», т. е. отменяет его.

Допустим, мы изменили свой язык и обеспечили истинность философских утверждений: теперь уже некорректно называть материальный предмет неодушевленным, эмпирическое высказывание — достоверным или считать значение какого-либо слова ясным. Было бы это улучшением?

Важно понять, что этим мы вообще ничего не выиграли бы. Слову нашего исправленного языка пришлось бы нести двойную нагрузку. Слово «неопределенный» выполняло бы функцию, ранее осуществлявшуюся двумя словами — «неопределенный» и «ясный». Но оно к этому не приспособлено. Ведь для прежнего значения слова «неопределенный» существенно важно было то, что неопределенность противостоит ясности. В исправленном же языке неопределенность ничему не противостоит. Слово «неопределенный» в нем должно быть опущено за ненужностью. В итоге нам пришлось бы придумать новую пару слов с тем же смыслом, что и слова «ясный» и «неопределенный». Исправление нашего языка не есть его «улучшение».

Парадоксальные утверждения порождены желанием философов подчеркнуть сходство или различие в критериях употребления определенных слов. Например, утверждение, что эмпирические суждения не являются достоверными, возникает из

стремления подчеркнуть сходство в применении выражений «абсолютно достоверный» и «в высшей степени вероятный» к эмпирическим суждениям, а также различие в применении термина «достоверный» к эмпирическим и априорным утверждениям. Желание привлечь внимание к многообразным сходствам и различиям и побуждает философов к парадоксам.

Я долго рассуждал о природе парадоксальных философских утверждений и о порождающих их соблазнах, чтобы пролить свет на значение Мура как философа. Поразительно то, что сам Мур никогда не поддается искушениям. Напротив, он стойко держится обыденного языка и хранит его от любого парадокса. Философствование большинства наиболее влиятельных философов состояло в их более или менее искусном опровержении обыденного языка. Философствование Мура состояло по преимуществу в опровержении нарушителей обыденного языка.

Роль Мура, Великого Ниспровергателя, в истории философии в основном является разрушительной. (Важнейшая его конструктивная теория — о добре, что оно, подобно «желтому», есть что-то простое и неопределимое — естественно вытекает из его разрушительного анализа бесчисленных попыток определить «добро».) Осознать, в какой мере философия представляет собой критику обыденного языка и здравого смысла и увидеть, что обыденный язык должен быть правильным — значит понять всю важность и оправданность разрушительной деятельности Мура.

Можно задать вопрос: «Вот вы говорите, что парадокс возникает из желания философа подчеркнуть сходство или различие в употреблении определенных выражений. Но если сходство или различие реальны и философ всего лишь привлекает к ним внимание, то почему парадокс недопустим? В чем его вред?» Ни в чем, если бы в этом было все дело. Но сама форма философского утверждения неизменно приводит философа к ошибочному представлению о его эмпирическом характере. «В том, что касается эмпирических вопросов, ничто не является достоверным» очень уж похоже на «В том, что касается будущего нынешнего поколения, ничто не является достоверным». «Когда человек смотрит на предмет, в действительности он видит часть своего мозга» очень похоже на «Когда человек смотрит на предмет — по существу, просто световые лучи, исходящие от предмета, воздействуют на сетчатку». Будучи введен в заблуждение поверхностным сходством этих двух видов утверждений и зная, что парадоксальность эмпирических утверждений не является возражением против их истинности, философ воображает, что его парадокс действительно истинен — будто здравый смысл ошибочно полагает, что в эмпирических вопросах достижима достоверность, что значения слов бывают ясными, что мы когда-либо видим что-то иное, нежели часть своего мозга, что одно событие происходит раньше или позже, чем другое, и так далее.

Когда философ считает свой парадокс доподлинно истинным, полезно его опровергнуть. То, что авторы парадоксов почти всегда наслаждаются своей правотой и ошибочностью здравого смысла, и ложность их мнений требуется доказывать, объясняет огромную значимость Мура для философии. Никто не может соперничать с ним в деле опровержения, ибо ни у кого нет такого острого чутья на парадоксы. Чрезвычайно мощное чувство обыденного языка позволяет Муру выявлять едва уловимые его нарушения.

Против этого метода опровержения можно возразить.

Во-первых, часто не удается убедить автора парадокса в том, что он неправ. Если, например, человек утверждает, что никто и никогда достоверно не знает об ощущениях, чувствах и восприятиях другого человека, а Мур отвечает: «Напротив, я знаю, что вы сейчас видите и слышите меня», то, вероятно, он не почувствует себя опровергнутым. Это объясняется в основном тем, что Мур не сумел высветить лингвистическую, неэмпирическую природу парадокса, Мур словно противопоставляет одно эмпирическое суждение другому эмпирическому суждению. Его ответ не проясняет, что парадокс, по сути дела, подвергает критике обыденную форму речи как некорректную и в любом случае не касается эмпирических фактов.

Во-вторых, этот метод обходит молчанием истоки философских затруднений, приводящих к парадоксам. Даже если опровержение показывает философу ложность парадокса, он все равно испытывает неудовлетворенность. Опровержение не выявляет мотивов критики обыденного языка и не устраняет соблазна, так как не убеждает философа в бесплодности его деятельности. Короче говоря, даже когда философ чувствует себя опровергнутым, Муру не удается все же раскрыть породившую парадокс философскую загадку.

Несовершенный философский метод Мура является первым существенным шагом к методу совершенному. Чтобы избавиться от философского парадокса, мы должны прежде всего ему противостоять, доказывая его ложность, потому что если философ наслаждается своим парадоксом, любит его, то мы бессильны. Лишь когда философ не удовлетворен и чувствует себя опровергнутым, можно разъяснить ему суть философской проблемы, нашедшей свое выражение в форме его парадокса.

Однако утверждение, что предложенная Муром техника опровержения является первым существенным шагом к совершенному философскому методу, не позволяет адекватно понять важность его роли для истории философии. Великая историческая роль Мура состоит в том, что он первым из философов почувствовал, что любое философское утверждение, которое нарушает обыденный язык, является ложным, и, следовательно, выступил в защиту обыденного языка от его философских нарушений.